

Г. В. Глазырина
**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ ИНОГО МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ)**

УДК 94(491.1):82-131

ББК 63.3(4Исл)+82.3-441

Среди произведений скандинавской письменности XII–XIV вв. выделяется группа текстов, в которых описываются путешествия людей в иные миры, населенные богами и сверхъестественными существами («Деяния данов» Саксона Грамматика, «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», «Сага об Ингваре Путешественнике», «Прядь о Торстейне Большом-как-Дом», «Прядь о Хельги сыне Торира», «Сага об Эйреке Путешественнике» и др.). Их авторы независимо друг от друга обращаются к сказаниям, в которых в процессе устного бытования сформировалась определенная модель рассказа, что свидетельствует о распространенности и устойчивости в Скандинавии сюжета путешествия в потусторонний мир. Модель характеризуется использованием сходных сюжетно-композиционных элементов (с отдельными вариантами) и регулярным воспроизведением определенного набора мотивов. Перемещение в пространстве осмыслено как движение по оси «верх–низ» либо в горизонтальной плоскости. Несмотря на потенциальную доступность локусов иного мира, они удалены от мира людей и ограждены от легкого проникновения в их пределы. Топографическими объектами, маркирующими границу и создающими преграду, чаще всего выступают темный, труднопроходимый лес, бурная река, высокая гора, открывающийся курган и др. В сагах эти объекты могут также становиться медийной средой — проводником, благодаря которому осуществляется переход в иной мир. Полифункциональность объектов пограничья рассматривается в работе на примере реки как наиболее распространенного элемента описаний перехода в мир сверхъестественного.

Ключевые слова: *скандинавская мифология, исландские саги, мир сверхъестественного, топографические объекты, топосы*

Языческие боги и малые божества, жившие в камнях и других природных объектах, духи-хранители земли, а также эльфы, тролли и великаны, драконы и квиквенди разного рода и вида, т. е. существа, которых современный читатель склонен классифицировать как вымышленных, для средневекового скандинава составляли значимую часть «населения» окружавшего его мира, не менее важную, чем, например, обладавшие колдовскими навыками (саамы, бьярмы) или диковинные (амазонки и песьглавцы) народы либо наделенные человеческими чертами представители фауны (медведи, волки и др.).¹

Скандинавские письменные памятники, созданные в XII–XIV вв., дают возможность составить некоторое представление о том, как средневековые люди видели строение окружающей их ойкумены и иных миров, пытаясь найти место для каждого и увязать между собой явления,

характеризующиеся разной степенью условности. В этих сочинениях отразился во всем своеобразии (и это вопреки влияниям, в частности, христианской культуры) целый ряд важнейших мировоззренческих концептов, сформировавшихся на протяжении тех нескольких веков, когда происходило становление скандинавского мировосприятия, что лишним раз подчеркивает основательность и прочную укорененность традиционных взглядов, представлений и верований.

Мифологические и героические песни древних скандинавов имеют первостепенное значение для изучения их дохристианских представлений о потустороннем мире. Ограниченность и условность реконструируемой картины простираются во многом из того, что ученым приходится полагаться не на свидетельства одного источника, в котором бы приводилось последовательное описание представлений об ином мире, а на разрозненные упоминания, сохранившиеся в целом ряде песней, существовавших в устной форме, хотя и одновременно, но изолированно друг от друга. Десять таких песней, посвященных скандинавским богам, были в 1270–1280 гг. впервые соединены составителем

¹ См.: Frog. Are Trolls, Bears and Sámis People too?: Considering the Mythic Ethnography of Old Norse Culture // The Retrospective Methods Network Newsletter. Winter 2014/2015. № 9. Helsinki, 2015. P. 122–124.

древнеисландской рукописи «Codex Regius» («Королевский кодекс») вместе с девятнадцатью песнями о героях.

Этот поэтический сборник, со временем получивший название «Старшая Эдда»,² а также созданная исландцем Снорри Стурлусоном (1179–1241) около 1222–1225 гг. прозаическая «Младшая Эдда»,³ историзированные мифологические рассказы в труде Саксона Грамматика (ок. 1150 — ок. 1220) «Деяния данов» (конец XII в.) и дошедшие в составе поздних текстов произведения исландских скальдов IX–X вв. (Браги Старого, Тьодольва из Хвинира, Эгиля Скаллаграмссона и других поэтов) позволили достаточно систематически реконструировать древнескандинавскую мифологическую картину мира и (с некоторой долей условности) воспроизвести основные ее черты, описать пантеон богов древних скандинавов, охарактеризовать сверхъестественные существа, с которыми, по их мнению, соприкасается человек, и их миры обитания.

Для рассматриваемой темы принципиально важна структура воображаемого пространства, создаваемого мифами. Оно включало в себя три мира — Асгард (*Ásgarðr* — «мир асов», мир богов), Мидгард (*Miðgarðr* — «срединный мир», мир людей) и Утгард (*Útgarðr* — внешний по отношению к Мидгарду мир великанов). Эти миры в источниках мыслятся как существующие сразу в двух проекциях — вертикальной и горизонтальной. В вертикальном пространственном представлении трехчленная структура — Асгард, Мидгард, Утгард — нашла символическое воплощение в хорошо известном образе мирового древа Иггдрасиль, три части которого — крона, ствол и корни — соответствуют этим трем мирам. В горизонтальной проекции, как отмечает Е. М. Мелетинский, отношения между мирами строятся «прежде всего на противопоставлении обитаемой людьми средней огороженной части земли (Мидгард) тому, что находится за пределами, вне, снаружи этой ограды (Утгард), в сфере враждебной и культурно не освоенной».⁴

Согласно языческим верованиям, существование человека после смерти продолжалось

в загробных мирах, представленных в древнескандинавских источниках как многочисленные и разнохарактерные. В горизонтально ориентированном мифологическом пространстве миры мертвых получают устойчивую привязку к странам света: царство Хель (*Hel*) — царство мертвых — в источниках связывается с севером («Дорога в Хель идет вниз и к северу»⁵) и востоком: Вальхалла (*Valhöll*) — место пребывания умерших на поле боя воинов — с югом.⁶ Ётунхейм (*Jötunheimar*), мир великанов-ётунов, как и Хель, может локализоваться на востоке или на севере. Наряду с дихотомией «Вальхалла — Хель», аналогичной христианской оппозиции «рай — ад» и сформировавшейся, возможно, под ее влиянием,⁷ упоминаются еще три мира — подводное царство ётунов Ран и Эгира, священная гора Хельгафелль (*Helgafell*) и некий зеленый луг. В зависимости от того, какой смертью умер человек, он отправлялся в один из данных локусов.⁸

Сопряженность и пограничность миров являются принципиальными характеристиками мифологического пространства. В Асгард можно попасть не покидая пределов земли,⁹ а мир великанов Ётунхейм располагается на самом краю Мидгарда, на границе с Утгардом, в пустынной и скалистой местности.¹⁰

Пограничность миров является той основой, на которой в древнескандинавской литературе построен целый ряд сюжетов, в том числе сюжеты о путешествиях в потусторонний мир. Важнейшим свойством миров (миров людей, богов, великанов и др.) является их взаимопроницаемость:¹¹ боги приходят в мир людей, люди могут посещать мир божеств и сверхъестественных существ, а представителей людей и, например, великанов могут связывать различные отношения, вплоть до брачных. Легкость, с которой между существами

⁵ Младшая Эдда. С. 85.

⁶ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 64; Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 346.

⁷ См.: Sawyer B., Sawyer P. Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation circa 800–1500. Minneapolis; London, 1993. P. 104.

⁸ См.: Картамышева Е. П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской литературе. автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 9–11.

⁹ Гуревич А. Я. Указ соч. С. 62, 63.

¹⁰ См.: Мелетинский Е. М. Указ соч. С. 252.

¹¹ См.: Картамышева Е. П. Между жизнью и смертью: к вопросу о структуре загробного мира у древних скандинавов // Восточная Европа в древности и средневековье: чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: материалы конф. Т. 14: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 97.

² Håndskriftet Nr. 2365 4to gl. kgl. samling på det store Kgl. bibliotek i København (Codex regius af den ældre Edda) / Utg. Wimmer F. A.; Finnur Jónsson. København, 1891; Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 181–356.

³ Младшая Эдда. Л., 1970.

⁴ Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Избранные статьи. Воспоминания. М., 2008. С. 252.

различного происхождения устанавливались подобные связи, можно проиллюстрировать всего одним примером. Так, датский историк Саксон Грамматик в свой многотомный труд «Деяния данов» включил рассказ о Хаддинге, сыне легендарного датского конунга Грамма. Находившийся на воспитании у великанши Хардгрёпы, Хаддинг научился от нее приемам разнообразной магии. Покровительствовал юноше не кто иной, как сам бог Один, навещавший Хаддинга в мире людей в образе одноглазого старика. Так случилось, что Хаддинг и один из великанов добивались руки одной и той же девушки; убив своего соперника, Хаддинг женился на ней.¹²

Потусторонние миры удалены от мира людей и ограждены для того, чтобы всякий пожелавший посетить их не мог легко проникнуть туда. Умершие от старости либо от болезни люди попадали в Хель. Границей этого царства была река Гьёлль, через которую был перекинут мост Гьялларбру (*Gjallarbrú*, «Звенящий мост»), описанный в «Видении Гюльви» в рассказе о поездке Хермода, сына Одина, в Хель за Бальдром.¹³

Удаленной и труднодоступной мыслилась также и Вальхалла, помещавшаяся в Асгарде. В источниках она изображена как огромный зал, крыша которого была крыта множеством позолоченных щитов. Границей также служила река, преодолев которую по мосту Бифрёт, сюда из Мидгарда направлялись воины, павшие на поле боя, которые становились эйнхериями — воинами бога Одина.

По свидетельству Х. Эллис Дэвидсон и П. Фишера, принадлежащий Саксону Грамматику рассказ о схождении Хаддинга в Вальхаллу является наиболее подробным описанием такого путешествия в древнескандинавской литературе.¹⁴ Саксон пишет, что Хаддинг, сопровождаемый некоей женщиной, направляется в царство мертвых, которое находится под землей. Сначала они прошли сквозь дым-

ную завесу темноты, затем прошли по тропе, протоптанной за многие века, и увидели людей в богатых одеждах и знать, одетую в пурпур; пройдя мимо них, они наконец вышли на залитую солнцем территорию, покрытую растительностью. Пройдя еще дальше, они остановились у реки сине-черного цвета, бурлящей и вращающей в своих быстрых потоках оружие разного рода. Они перешли через нее по мосту и увидели две противостоящие друг другу группы воинов. Женщина сказала, что это люди, умершие от меча. Когда они прошли дальше, на их пути оказалась стена, к которой было трудно подойти и через которую было трудно перебраться.¹⁵

В описании загробного мира Саксон Грамматик привлекает разные по своему происхождению детали: его описание, как замечает А. Я. Гуревич, «во многих чертах повторяет топику странствий по тому свету средневековой европейской литературы (поля мрака и поля блаженства, мост через страшный поток, стена, которую невозможно одолеть), но содержит моменты, характерные для скандинавских представлений об ином мире. Воины, погибшие в бою и возобновляющие сражение после смерти, — это эйнхерии, взятые Одним в Вальхаллу. Стена, которая ограждает мир смерти, упоминается и в «Младшей Эдде»...»¹⁶

Сходный метод использует Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде». Излагая древние мифы, он совмещает в одном контексте черты, характерные для христианских сочинений и видений, с традиционными; создавая единый текст из не связанных между собой и существующих в нескольких вариантах сказаний, Снорри соединяет и согласовывает варианты песней о богах и героях, одновременно бытовавшие в традиции. Его интерпретация средневекового мифа, как показали многочисленные исследования, строится на основе христианского видения мира.¹⁷ Подобно тому как в записях эддических песней формальные признаки, такие как нарративная структура и средства языкового выражения, должны датироваться XIII в.,¹⁸ содержание языческого мифа, нередко переданное через христианскую образность, привычную для средневекового человека, также приобретает черты времени записи.

¹² См.: Saxonis Gesta Danorum / A. Ulrik, H. Ræder. Haunia, 1931. Liber Primus. Cap. VI–VIII; Saxo Grammaticus. The History of the Danes: b. 1–9. Cambridge, 1979. Vol. 1: English text. P. 22–30.

¹³ См.: Edda Snorra Sturlusonar / Udg. Finnur Jónsson. København, 1931. Bls. 66. В переводе «Младшей Эдды» на русский язык название моста не приводится, а передается описательно — «мост, высланный светящимся золотом» (Младшая Эдда. С. 84, 85). Мост Гьялларбру упоминается также в «Draumkvæde». См.: Liestøl K. Draumkvæde. A Norwegian visionary poem from the Middle Ages. Oslo, 1946. P. 64–70.

¹⁴ Saxo Grammaticus. Op. cit. 1980. Vol. 2: Commentary. P. 35, note 58.

¹⁵ См.: Saxonis Gesta Danorum. P. 30.

¹⁶ Гуревич А. Я. «Эдда» и сара. М., 1979. С. 19.

¹⁷ См.: Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Old Norse Myths in Medieval Northern Society. Odense, 1994. Vol. 1: The Myths. P. 33.

¹⁸ См.: Vésteinn Ólason. Old Icelandic Poetry // A History of Icelandic Literature. Lincoln (Nebraska); London, 2006. P. 8.

В мифологических описаниях потустороннего мира выявляются характерные маркеры пограничья, такие как наличие *водной преграды* (бурной и опасной реки) и *моста*, переход через *темный лес* на одном из этапов пути; нередко упоминается *гора* или *скала*, *туман* или *дым* и др.¹⁹ Эти признаки аналогичны топосам, регулярно воспроизводящимся в средневековых видениях. Мы встречаем их одновременно в качестве универсальных деталей в разнообразных текстах, записывавшихся в XIII в. и позднее.

В полной мере указанные признаки присутствуют в исландских сагах, сюжеты многих из которых посвящены давнему, языческому, времени. Влияние христианской литературы заметно проявилось в интерпретации отдельных сюжетов, во введении специфических деталей, которые появились с распространением христианства, в то время как сюжетная канва и композиция произведений претерпевали незначительные изменения. Основные элементы традиционной модели рассказа сохраняются также в структуре саг, описывающих путешествия в потусторонний мир. В них, как и в древнескандинавской мифологии, особое свойство воображаемых миров — их взаимопроницаемость — создает условия для соприкосновения людей с богами, великанами и другими сверхъестественными существами. К числу произведений, активно разрабатывающих тему путешествий в иной мир, принадлежат главным образом записанные в XIII–XIV вв. саги о древних временах («Прядь о Торстейне Большом-как-Дом», «Прядь о Хельги сыне Торира», «Сага об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков», «Сага об Ингваре Путешественнике», «Сага об Эйреке Путешественнике» и др.).²⁰

В качестве иллюстрации приведем примеры из одного произведения этой группы саг — из «Пряди о Торстейне Большом-как-Дом», которую датируют концом XIII в. Действие в пряди отнесено ко времени правления в Норвегии ярла Хакона и конунга Олава Трюггвасона, т. е.

к концу X в. Сюжет пряди сложен из нескольких рассказов о приключениях норвежца Торстейна, главного ее героя. В одном из них описывается путешествие Торстейна в подземный мир, где обитают эльвы.

В пряди рассказывается о том, что на удаленном побережье Финнланда Торстейн сошел с корабля на сушу в ожидании попутного ветра. Там возвышался большой курган. Стоявший на его вершине маленький мальчик, глядя в отверстие в кургане и обращаясь к своей матери, находившейся неподалеку, прокричал, что в нижнем мире эльвы устраивают праздник и что он собирается туда отправиться. Торстейн последовал за мальчиком в открытый курган. Они погрузились в воды большой реки, и она понесла их в иной мир, а по ощущениям Торстейну показалось, что вокруг него не вода, а дым. Когда дым рассеялся, оказалось, что далее река спадает со скалы и что где-то там, далеко внизу, жители большого, густонаселенного города организовали праздник. В сияющем золотом дворце множество людей пили и угощались из серебряной посуды. Король и королева подземного мира принимали гостей, съехавшихся из самых дальних стран (туда прибыли даже эльвы из Индии). После праздника Торстейн проделывает обратный путь вверх по реке и через курган выходит назад в мир людей.²¹

Заметим, что детали, упомянутые в этом фрагменте, в частности большая река, спадающая со скалы в подземное царство, отнюдь не уникальны. Вспомним описание похода шведского хёвдинга Ингвара Путешественника в посвященной ему саге. Продвигаясь со своим отрядом по большой реке, Ингвар узнает, что в конце своего течения река спадает со скал в Раудахав (Красное море) и что это называется «концом света».²² В обоих произведениях река соединяет и одновременно разъединяет различные миры — мир, населенный людьми, и мир волшебный, потусторонний.

Отметим и еще одну деталь, использованную в «Пряди о Торстейне», — завесу дыма как среду, проходя через которую герой приобретает новое качество (в пряди он становится невидимым), позволяющее ему находиться в ином мире. Ее аналог нам уже встречался

¹⁹ См.: Patch H. R. *The Other World According to Descriptions in Medieval Literature*. Cambridge (MA), 1950. P. 79.

²⁰ Тема путешествий также присутствует в двух более поздних переводных рыцарских сагах — в «Саге о Конраде, королевском сыне, и Родберте, предателе» («Konráðs saga keisarsonar ok Róðberts svikara», начало XIV в.) и «Саге о Вильяме Кошеле» («Vilhjálm's saga sjóðs», конец XIV в.). Однако в связи с тем, что они поздно вошли в древнеисландскую литературу, их нельзя рассматривать как произведения с традиционной сюжетикой.

²¹ См.: Þorsteins þáttur bæjarmagns // Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1954. B. 4. Bls. 322–324.

²² Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 258.

в рассказе Саксона Грамматика о схождении Хаддинга в Вальхаллу, где упоминается о дымной завесе темноты. Эту же деталь мы находим в «Саге об Эйреке Путешественнике», где Эйрек и его спутник, пройдя через дымное чрево дракона, совершают переход из мира людей и приобретают способность путешествовать по райским лугам, чего не дано обычным людям.²³

Другой фрагмент из «Пряди о Торстейне» интересен прежде всего тем, что в описанном в нем путешествии получают развитие древнейшие сюжеты, знакомые нам по переложению Саксоном Грамматиком сказаний о конунге Гейррёде и Гудмунде, персонажах мира великанов.

Корабль Торстейна, плывший на восток, сбился с курса. Сойдя на берег, Торстейн встречает там группу людей огромного роста, предводителем которых является Гудмунд, конунг Глэсисвеллира («Сияющих Долин», *Glæsisvellir*) — еще одного локуса потустороннего мира. Гудмунд направляется к конунгу страны великанов Гейррёду. Торстейн просит взять его с собой, и хотя Гудмунд не склонен принимать в свой отряд христианина, он все-таки соглашается. Чтобы попасть в царство Гейррёда, отряду необходимо пересечь реку, воды которой губительны для всего живого. Однако волшебные одежды предохраняют людей и коней от беды. Преодолев много опасных препятствий и удачно избежав смерти в царстве великана Гейррёда, чему немало послужили волшебные предметы (плащ, кольцо и шип), в разное время полученные им от сверхъестественных обитателей царства — карликов и великанов, Торстейн возвращается к своему кораблю.²⁴

В отличие от первого фрагмента о путешествии Торстейна к эльвам, в котором пространственно выдержана оппозиция «верх–низ», во втором фрагменте сюжетное пространство ориентировано горизонтально: в одной плоскости совмещены мир, населенный людьми, и мир сверхъестественного, где живут карлики и великаны, на пирах гуляют колдуны, а волшебные предметы, попадая к человеку, сохраняют свою сверхъестественную силу. Разнообразные способы представления пространства в «Пряди о Торстейне» отсылают нас к эддической поэзии, в которой в зависимости от угла зрения различные миры рисуются как располагающие-

ся то вертикально, то горизонтально. Согласно пряди, Торстейн случайно оказывается на границе различных миров. Хотя эти места не так удалены от мира людей, они качественно отличаются от него, обладают иными характеристиками. В первом фрагменте река выступает как путь в иной мир, во втором — она является преградой, которая должна обезопасить волшебный мир от нежелательных визитеров. Однако магическая «разделяющая» сила реки оказывается все-таки не настолько велика, чтобы предотвратить появление Торстейна в потустороннем мире.²⁵ Такая интерпретация мотива характерна для саг о древних временах: в них удача и смекалка героя всегда помогают ему достигнуть поставленной цели. Путешествие по реке, как и преодоление бурной реки, — сюжетные мотивы, несущие в саговых повествованиях о путешествиях в потусторонний мир большую композиционную нагрузку.

Авторы саг о древних временах, пересказывающие истории о поездках в иной мир, как и автор «Пряди о Торстейне», независимо друг от друга обращаются к сказаниям, в которых на протяжении устного бытования сформировалась определенная модель рассказа. Во всех этих произведениях, как показала Р. Пауэр, присутствуют — с отдельными вариантами — сходные сюжетно-композиционные элементы и мотивы.²⁶ На один из них — мотив пересечения границ иного мира в сопровождении проводника,²⁷ которым обычно является существо, не принадлежащее миру людей, — хотелось бы обратить особое внимание. Именно эта деталь присутствует во всех рассмотренных нами случаях: неизвестная ведет Хаддинга в Вальхаллу; путь в мир эльвов Торстейн узнает лишь благодаря маленькому мальчику (который, вероятно, сам к ним принадлежит); к Гейррёду, конунгу страны великанов, Торстейн попадает только при содействии другого великана.

Регулярное воспроизведение в текстах определенной группы мотивов свидетельствует

²³ См.: Eiríks saga víðförla / Udg. Helle Jensen. København, 1983. Bls. 74.

²⁴ См.: Þorsteins þáttur bæjarmagns. Bls. 326–344.

²⁵ Заметим, что мотив возможности преодоления героем преграды воспринимался, очевидно, как очень важный для содержания пряди. В начале XVII в. он в сходном изложении приводится в пересказе этого фрагмента в комментарии к эддическим песням в труде Йоуна Ученого. См.: Глазырина Г. В. Аллюзии к исландским сагам в «Комментариях к Эдде» Йоуна Ученого: фрагмент о поездках «на восток» // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: к дню рождения Ольги Александровны Смирницкой. М., 2008. С. 171–183.

²⁶ См.: Power R. Journeys to the Otherworld in the Icelandic Fornaldarsögur // Folklore. 1985. Vol. 96, № 2. P. 156–158.

²⁷ См.: Bradley J. Crossing the Bridge: Liminality, Group Identity and Continuity // The Retrospective Methods Network Newsletter. December 2012. № 5. Helsinki, 2012. P. 48.

о существовании в древнеисландской литературе устойчивого сюжета путешествия в потусторонний мир.²⁸ Границы этого мира маркированы условными, специфическими деталями, которые легко узнавались средневековой аудиторией.

Galina V. Glazyrina

Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: Gglazyrina@mail.ru

CROSSING THE BORDERS OF THE OTHER WORLD (BASED ON ANCIENT SCANDINAVIAN SOURCES)

In Scandinavian literature of the twelfth through the fourteenth centuries there is a group of texts describing travels of the humans to other worlds inhabited by gods and supernatural creatures (“Gesta Danorum” by Saxo Grammaticus, “The Story of Egil the One-Handed and Asmund Berserks-Slayer”, “The Saga of Yngvar the Far-Traveller”, “The Story of of Thorstein Mansion Might”, “The Story of Helgi the Son of Thorir”, “The Saga of Eirik the Far-Traveller”, etc.). Their authors independently of each other turned to legends which in oral transmission formed a certain narration model. This evidences of popularity and persistence in Scandinavia of stories about travels to the other world. The model is characterized by the use of a similar theme and composition elements (with some variations) and repeated reproduction of a certain group of motifs. Movement in space was understood as either movement along the “top-down” axis or horizontal plane. Despite the potential accessibility of the other world’s loci they were remote from the world of the people and fenced against easy crossing to their territory. The topographic objects serving as the border marks and creating an obstacle in most cases were a dark, dense forest, a rough river, a high mountain, an opening barrow, etc. In the sagas these objects could also become a media environment — a conductor making the transition to the other world possible. Poly-functionality of borderline objects was studied in the paper on the example of a river as the most common element of descriptions of crossings to the world of the supernatural powers.

Keywords: Scandinavian mythology, Icelandic sagas, world supernatural, topographical objects, top wasps.

REFERENCES

- Boberg I. M. *Motif-Index of Early Icelandic Literature*. Copenhagen: Munksgaard Publ., 1966. 263 p. (in English).
- Bradley J. *Crossing the Bridge: Liminality, Group Identity and Continuity*. The Retrospective Methods Network Newsletter. December 2012, no. 5. Helsinki, 2012, pp. 44–49. (in English).
- Clunies Ross M. *Prolonged Echoes. Old Norse Myths in Medieval Northern Society. Vol. I: The Myths*. Odense: Odense University Press 1994. 325 p. (in English).
- Frog. *Are Trolls, Bears and Sámis People too?: Considering the Mythic Ethnography of Old Norse Culture*. The Retrospective Methods Network Newsletter. Winter 2014–2015, 2015, no. 9, Helsinki, pp. 122–124. (in English).
- Glazyrina G. V. *Allyuzii k islandskim sagam v «Kommentariyakh k Edde» Youna Uchenogo: fragment o poezdkakh «na vostok»* [Allusions to the Icelandic sagas in “Comments to the Edda” of Jón the Learned Ucheny: a fragment about trips “to the east”]. Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poetika. Ko dnyu rozhdeniya Olgi Aleksandrovny Smirnitsoy [Germanic studies. Skandinavistika. Historical poetics. To birthday of Olga Aleksandrovna Smirnitsoy]. Moscow, 2008. pp. 171–183. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *«Edda» i saga* [“Edda” and saga]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 192 p. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (in Russ.).
- Kartamysheva Ye. P. *Mezhdru zhiznyu i smertyu: k voprosu o strukture zagrobnogo mira u drevnikh skandinavov* [Between life and death: to a question of structure of a next world at ancient Scandinavians]. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekovye: Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto: Mat-*

²⁸ См.: Boberg I. M. *Motif-Index of Early Icelandic Literature*. Copenhagen, 1966. P. 103, 104.

ly konf. Vol. 14: Mnimye realnosti v antichnoy i srednevekovoy istoriografii [Eastern Europe in the ancient time and Middle Ages: Readings memory of the member correspondent of Academy of Sciences of the USSR V. T. Pashuto: Materials conf. Vol. 14: Imaginary realities in an antique and medieval historiography]. Moscow, 2002, pp. 96–101. (in Russ.).

Kartamysheva Ye. P. *Pochitanie predkov v drevneskandinavskoy dokhristianskoy literature. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Honoring of ancestors in drevneskandinavsky pre-Christian literature. Avtoref. diss. kand. ist. sciences]. Moscow, 2006. 24 p. (in Russ.).

Liestøl K. *Draumkvæde. A Norwegian visionary poem from the Middle Ages*. Oslo: Published by H. Aschehoug & Co. Publ., 1946. 144 p. (in English).

Meletinskiy Ye. M. *Skandinavskaya mifologiya kak sistema* [Scandinavian mythology as system]. Izbrannyye stati. Vospominaniya [Chosen articles. Memoirs]. Moscow, 2008, pp. 248–271. (in Russ.).

Ólason V. *Old Icelandic Poetry. A History of Icelandic Literature*. Lincoln (Nebraska); London, 2006, pp. 1–64. (in English).

Patch H. R. *The Other World According to Descriptions in Medieval Literature*. Cambridge (MA): Cambridge University MA Series Publ., 1950. 386 p. (in English).

Podosinov A. V. *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kulturakh Yevrazii* [Ex oriente lux! Orientation on cardinal directions in archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 720 p. (in Russ.).

Power R. *Journeys to the Otherworld in the Icelandic Fornaldarsögur*. Folklore, 1985, vol. 96, no. 2. pp. 156–175. (in English).

Sawyer B., Sawyer P. *Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation circa 800–1500*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press Publ., 1993. 265 p. (in English).